

Гуманитарные
исследования
в Карелии

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

Гуманитарные исследования в Карелии

*Сборник статей к 70-летию
Института языка, литературы и истории*

Петрозаводск
2000

150547K

ББК 80

В основе данного издания – материалы научной конференции, посвященной 70-летию Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Авторами большинства публикаций являются сотрудники Института ЯЛИ. В статьях, связанных с археологией, историей, фольклором, языкознанием, литературой Карелии и соседних областей, рассматриваются конкретные проблемы, которыми каждый из исследователей занимается в данный период. Разнообразие публикуемых материалов отражает комплексный характер исследований Института, объединяющих историческое и филологическое направления академической науки. Публикация материалов конференции поможет лучше осознать возможности Института на современном этапе, его научный потенциал, проблематику и уровень проводимых исследований, подумать о перспективах. Но главное, книга содержит новые материалы, выводы и обобщения по недостаточно изученным вопросам, знакомит с различными направлениями исследований, обращается к проблемам современности.

Сборник рассчитан на научных сотрудников, преподавателей, музейных работников и краеведов. Надеемся, что и рядовой читатель найдет для себя интересные сюжеты, события, факты, имена. Остается пожелать сборнику не остаться незамеченным, а его авторам – новых успехов в научном поиске.

*Директор Института языка, литературы и истории,
доктор ист. наук Ю. А. САВВАТЕЕВ*

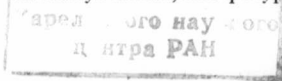
Редакционная коллегия: Ю. И. ДЮЖЕВ, Н. Г. ЗАЙЦЕВА,
О. П. ИЛЮХА (отв. ред.), С. И. КОЧКУРКИНА, Н. А. КРИНИЧНАЯ

Рецензенты: Л. Ф. МАРКИАНОВА, К. К. ЛОГИНОВ

ISBN 5-9274-0024-8

150548K

© Карельский научный центр РАН, 2000
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2000





Э. Г. Карху

**Эпоха 1920–1930-х годов
в романе Хильды Тихля
«Страница переворачивается»**

Хильда Тихля (1870–1944) принадлежит к тем финноязычным писателям-иммигрантам, которые после поражения революции 1918 г. в Финляндии приехали в Советскую Россию и приняли участие в организации литературного движения, в создании периодической печати и системы школьного образования в Карелии и среди финского населения Ингерманландии. Вторая волна иммиграции относится к началу 1930-х годов, в Карелию приехали несколько тысяч финнов из США и Канады, среди них были и литературно одаренные люди.

В России, в литературе 1920-х годов преобладали рапповские и вульгарно-социологические тенденции, писательские объединения именовались ассоциациями пролетарских писателей, главной их задачей считалось создание совершенно новой, классово-идеологизированной пролетарской литературы.

В литературной критике тех лет предполагалось, что вслед за пролетарской литературой должен возникнуть и пролетарский читатель. Между тем страна оставалась преимущественно крестьянской, особенно это касалось этнических карелов и ингерманландских финнов, сплошь крестьян. Идеологическому перевоспитанию читателя должны были способствовать коллективизация деревни и ликвидация кулачества.

В творчестве писателей-иммигрантов освещались в основном финляндские события, но поскольку Финляндия также была аграрной страной, то и для них важной оставалась тема крестьянства, причем в особом идеологическом ракурсе: крестьянство и рабочее движение, крестьянство и революция, крестьянство и социализм. В Финляндии революция потерпела поражение и актуальным стало исследование причин поражения. Для этого следовало обратиться к советской действительности, рассмотреть проблемы деревни в условиях победившей революции.

Среди книг писателей-иммигрантов роман Х. Тихля «Страница переворачивается» (т. 1–2. 1934–1936) является единственным произведением о русской деревне, в котором описаны события от предреволюционных лет до начала коллективизации.

До приезда в СССР в 1924 г. Х. Тихля успела выпустить в Финляндии несколько книг: сборник рассказов, две повести, роман «Люди» (1916). Она писала преимущественно о деревне, жителях глухих лесных селений,

батраках и служанках, странствующих проповедниках, распространявших свои верования о справедливой и богоугодной жизни. Подобно писателю Арвиду Ярнефельту, которого называют «финским толстовцем», Тихля испытала влияние религиозно-этического учения Льва Толстого, ей и ее героям близки идеи христианского социализма. Вместе с тем Тихля еще в 1905–1907 гг. участвовала в социал-демократическом рабочем движении и затем в событиях 1918 г., помогая красногвардейцам. После поражения финской революции она была арестована и находилась в заключении, но сумела бежать и через Швецию приехала в СССР.

В первой книге ее романа «Страница переворачивается» описывается деревенская жизнь предреволюционных лет. Среди основных персонажей выделяются два приятеля-односельчанина: старик инвалид Федосей, потерявший на войне ногу и глаз, и его постоянный собеседник и оппонент – сельский портной Иван Петрович. В некотором смысле они воплощают два разных отношения к жизни и к возможностям изменить ее. Федосей – добрый человек и ценит доброту в других, но жизнь обошлась с ним жестоко, вокруг много страданий, и он не верит в способность людей коренным образом изменить ее, как об этом мечтает Иван Петрович, возлагающий надежды на силу просвещения и нравственного воспитания народа. Для Федосея Иван Петрович – прекрасодушный идеалист, каким он предстанет потом и в спорах с большевиком Ильей Беляновым во второй книге романа.

В образе сельского портного Ивана Петровича есть нечто «финское», запечатлевшееся еще в прежних книгах Тихля финляндского периода. Подобные образы философствующих сельских ремесленников, моралистов и правдоискателей нередки и у других финских писателей – Алекси-са Киви, Арвида Ярнефельта, Майю Лассила, а позднее у Вяйне Линна и Вейкко Хуовинена. В трилогии «Здесь под северной звездой» (1959–1962) Линна с большой художественной силой изобразил трагическую гибель сельского портного Адольфа Халме, христианского социалиста, расстрелянного белогвардейцами за участие в местном социал-демократическом движении, хотя он, сочувствуя угнетенным, и не был сторонником вооруженного восстания. Перед казнью Халме говорит своим обвинителям, что первым социалистом был Иисус Христос и потому идея социализма неподсудна земному суду, она – выражение высшего нравственного закона.

В художественном отношении роман Тихля уступает трилогии Линна, но в нем затронута сходная проблема, характерная не только для финской, но и вообще для мировой литературы. Из финских писателей одной из первых ее выдвинула непосредственно эволюцией своего творчества Минна Кант, причем тоже не без влияния Толстого. Возникающая дилемма заключалась в следующем: что важнее для достижения социальной

справедливости и блага человечества – радикальное переустройство общества с изменением внешних условий жизни или же внутреннее самосовершенствование каждой отдельной личности через усвоение нравственных заповедей, религиозное и эстетическое воспитание? Иначе говоря, что нуждается в первичном воздействии – среда или индивид? Акценты в мировой литературе могли расставляться по-разному – то на общественном бунтарстве, то на вере, что мир спасет красота. Причем один и тот же писатель в разные периоды своего духовного развития мог смотреть на вещи по-разному. Ведь еще Фридрих Шиллер, в молодости написавший бунтарскую драму «Разбойники», позднее выступил с «Письмами об эстетическом воспитании», а Федор Достоевский пришел к мысли о спасительности красоты после участия в тайном кружке петрашевцев и сибирской каторги.

Иван Петрович в романе Тихля отстаивает, скорее, путь нравственного совершенствования людей посредством просвещения, всеобщего школьного образования, проповеди добра и красоты. Старик Федосей считает его прекраснодушным мечтателем, а для большевика Ильи Белянова прекраснодушие и вовсе неприемлемо, в обществе идет жестокая борьба, в которой оправдан революционный террор.

Но и у Ивана Петровича есть что возразить Илье Белянову. Вторая книга романа Тихля имеет подзаголовок «Вредители». Само это название является данью времени, периоду 1930-х годов, когда писался роман и когда призывы к ужесточению классовой борьбы посредством террора звучали все более угрожающе. Именно о допустимых границах этой борьбы возникает спор во второй книге романа.

В ней описывается голодный Петроград в годы гражданской войны, хаос и разруха, разгул преступности и падение морали; действуют «чрезвычайки», у революции много врагов, действительных и мнимых. С одной стороны, стремятся как-то выжить в голодном городе остатки дворянского рода Семеновых, мечтающие вывезти за границу фамильные драгоценности. Среди этих «обломков империи» и впрямь плетутся сомнительные интриги против новой власти, хотя юная Таня, дочь помещика, вроде бы нашла себя, став воспитательницей детского сада. С другой стороны, не все идеально и среди социальных низов, допускаются отступления от революционной дисциплины даже теми, кто первоначально участвовал в рабочем движении, а есть еще масса людей, не сразу внявших революционным лозунгам. И если действовать по принципу «Кто не с нами, тот наш враг», не слишком ли много будет у революции врагов?

В беседе с Ильей Беляновым мягкосердечный Иван Петрович хочет выяснить, как долго будут продолжаться террор и беспощадная борьба с врагами. И поскольку ему дороги, прежде всего, радостные стороны жизни и все прекрасное в ней, он и об этом задает вопрос: «Имею ли я право

радоваться жизни?.. Сдается мне, что если мы только и будем ждать конца борьбы, прежде чем начать радоваться жизни и наслаждаться всем прекрасным, – а что за жизнь без красоты? – то мы никогда до этого не доживем. Неправы те, кто беспрестанно ссылается на суровую борьбу с врагами и утратил саму способность воспринимать ценности жизни. Ведь борются-то они, похоже, только из-за своего неистовства, а когда расправятся с действительными врагами, то примутся грызть и пожирать собственное окружение»¹.

В устах Ивана Петровича, тяготеющего в своих мечтах о справедливости к христианскому социализму, слова о праве человека на радость восходят, возможно, к Нагорной проповеди, где одна из заповедей гласит: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Матф. 5:12). И вместе с тем слова портного рождают более земные и злободневные для революционных эпох ассоциации. Известно расхожее изречение о революциях и революционерах: «Революции пожирают своих детей». Так говорили, имея в виду судьбу Марата, Дантона и Робеспьера в эпоху Французской революции конца XVIII в., так повторилось потом в годы сталинской диктатуры в СССР.

Сама по себе затронутая в романе Тихля проблема о границах насилия столь остра и актуальна, что с постепенным ослаблением цензурных запретов к ней стали обращаться многие советские писатели. Одним из примеров может служить повесть Сергея Залыгина «На Иртыше» (1964), где речь идет о раскулачивании крестьян в Сибири. В эпизоде спора мужиков о том, кого следует считать кулаком и где конец раскулачиванию, старик Нечай спрашивает: «Ты скажи мне, Фофан, кто ее, эту самую точку, заметил, что, мол, точка и, значит, конец? Ведь почто кулак образовался? Богатеть хотел, останову не знал. А ты раскулачиваешь – ты свой останов знаешь ли?»²

В романе Тихля старик Федосей, возражая на собрании сторонникам насильственных методов в деревне, предостерегающе напоминает, что принуждению и устрашению русский крестьянин подвергался уже давно, но без особой пользы для дела. «Ведь хлеб и на русских полях растет не по команде начальства, и сколько из винтовки ни пали, урожая от этого не прибавится. Крестьянин – не флюгер и не вертушка на крыше, чтобы держать нос по ветру. Вам, молодым, надо бы поскромнее с крестьянином обходиться – не слишком умничать и важничать. Входите в крестьянскую избу как нормальные люди, соблюдая крестьянские обычаи» (т. 2, с. 192).

Если не считать некоторых морально опустившихся типов из «бывших господ», в романе Тихля нет абсолютно положительных или отрицательных персонажей. Идут споры, выражаются подчас крайние точки зрения; есть стремление к более трезвому и реалистическому пониманию сложных проблем. В этих острых спорах революция не отрицается, а продолжается, выдвигая все новые вопросы.



Тем не менее на идеологическом фоне 1930-х годов роман мог показаться во многом «крамольным», он являлся исключением в тогдашней карельской литературе. Тихля собиралась написать третью книгу романа, но наступил 1937 г., после чего на финском языке временно ничего не печаталось. Большинство писателей подверглись репрессиям и погибли в лагерях. Х. Тихля чудом избежала ареста. Писательница скончалась во время войны в эвакуации в Беломорске 27 марта 1944 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Tihlä H. Lehti kääntyy. Petroskoi, 1936. Osa 2. S. 137.

² Залыгин С. Собр. соч. в 6 т. М., 1989. Т. 1. С. 480.